Мой помянник об Упокоении все длиннее, и мне все горше читать его. Восходят ко Господу родные нетленные души. Ложатся в сырую сибирскую землю все те, с кем я строил духовную жизнь в нашем суровом Прибайкалье…

Совсем недавно я вычеркнул из списков о Здравии и вписал в списки об Упокоении имя благословенное, имя, которое я произносил с особым благоговением на утренних и вечерних молитвах и в храме, вынимая из него Божью частичку. Это имя великого нашего земляка, патриота, выдающегося писателя, раба Божия Валентина Распутина. Иркутяне хорошо помнят, как многотысячно хоронила его родная земля в солнечный весенний день, одного из лучших своих сыновей…

Через день после его похорон приходилась последняя родительская (третья) суббота в череде Великого поста, и я вспоминал, как дивно Господь устроил погребение своего бесстрашного воина за Отечество наше. Словно незримая Его длань сметала все помехи, которые, как правило, сопровождают большие многолюдные организации либо торжеств, либо похорон. Все сложилось как бы само собою… В этом была воля Божия и Его благословение.

После прочтения молитвы о новопреставленном р. Б. Валентине, я произнес имя своего деда Федота, которого поминаю все чаще в эти юбилейные для Победы дни. Федота Васильевича, фронтовика, вернувшегося с фронта с ранениями, орденами и медалями. Одни ордена Славы двух степеней чего стоят! Дед мой был прирожденным краснодеревщиком, редкостным мастером. Дерево он чувствовал, как любимую: не пройдет, не потрогав ни березки, ни сосенки. Всякую щепу обнюхает. А его ловко слаженная крепкая и благородная мебель, теперь, уж конечно, раритет, хранится как предмет искусства во многих столицах мира.

Но больше я думаю о деде не столько как о редком умельце, сколько как о фронтовике, воевавшем вместе со своим народом, а потом восстанавливавшем послеоккупационную родную Белгородчину.

Бывало, бабка моя ворчит на него, мол, своей семьи нету, все бежит без оплаты подымать порушенное. Всем-то вдовам не поможешь, всех сирот не обогреешь.

— Что с них взять-то, — оправдывался дед, — им самим давать надо.

И помогал, и строил, и носил тайком счетную картошку с хлебушком, да дорогие кусочки сахару, чтобы сунуть сироте, да бездомному нищему, которые половодьем разливались в послевоенной разрухе.

Да, вот он — День Победы! Великой кровью завоеванный, неимоверными тяготами тыла заработанный, врученный нам израненными нашими дедами. На вечное хранение, как алмаз драгоценный в сияющий венец России. Нам бы только бережно хранить память о войне, чтобы помнили потомки, знали цену жизни на родной земле…

О войне написано много! Много книг, статей, много снято фильмов, поставлено пьес в театрах. Я, родившийся после войны, через десять лет после Победы, очень любил слушать рассказы старожилов и фронтовиков о довоенной и военной поре. Эти рассказы воспитывали во мне чувство Родины. А оно удивительно! И прав наш мудрый и великий земляк Валентин Григорьевич Распутин, сказавший, что только имеющий, воспитавший в своей душе это несказанное чувство может опускаться в глубины души, истории и культуры родного русского народа. Мне было проще получить это чувство. Господь даровал мне его дивными рассказами моих старших земляков. О боях, которыми спасли Белгородчину, о горьких годах оккупации, голоде. Бесконечные рассказы о разрухе, о том чувстве созидания, которое охватило весь край, да и Россию после войны. Все строили дома, сараи, землянки. И дед мой, Федот Васильевич, выходил из дома с тем же внутренним ощущением созидания, горячим желанием восстановить, поднять, создать… Потому что победили, потому что мир. Кому-то сия радость дается словом, кому-то руками, кому-то молитвою. Было горе: вдовы, сироты, нищие, калеки заполнили страну. Но была и жажда жизни, жадность к созиданию. Потому что впереди был мир. И многие полагали, что вечный…

* * *

О войне написано немало. Описаны профессионально, с точки зрения военных наук, все ее фронта, котлы, дуги, маршалы, генералы, герои. Подвиги и поражения. Писатели-фронтовики описали жесточайший военный быт: блиндажи, окопы, санитарные палатки с круглосуточными операциями. Писатели-народники выписали горчайшую правду тыла. Война звучала и в живописи, и в музыке.

Но существует еще война преданий, которая передавалась из уст в уста. Оголенная, неприкрытая правда. Война народа… Мы дышали и жили всеми сразу. Они плавились в наших душах в единое чувство Родины, любви к ней и сыновнего понимания.

Войну, конечно же, ждали. Гитлер никогда не отказывался от своей внешнеполитической программы, озвученной им еще в его печально знаменитой «Майн Кампф», где планировалось великое и решающее столкновение с СССР. Собственно, американский капитал, который обильно вскормил германский фашизм, требовал в итоге одного — стереть с карты мира Россию.

Знал о войне Сталин, ничуть не обольщаясь договором августа 1939 года с Германией. План Барбаросса «страшно секретный» был известен советскому правительству на одиннадцатый день после принятия его Вермахтом.

Знал о скорой войне народ, распевавший «Если завтра война…». Наконец, православная паства гонимой, почти скрывавшейся в катакомбах, как в начале христианских веков, Русской Православной Церкви передавала из уст в уста ***пред-***

сказания старцев о скорой войне, как попущении Божием за отступничество от веры, поругание национальных святынь, за порушенные и оскверненные храмы. Эти пророчества переписывались тайно в школьных тетрадках, читались ночами при свете свечи, вместе с письмами из лагерей, где несло свой крест русское православное духовенство.

Отпадение от Христа не бывает безнаказанным. Но далеко не вся Россия отпала от Христа...

Я, чадо Русской Православной Церкви, милостью Божией ее архипастырь, и обязан глядеть на все события своего народа через Ее учение и Уставы. Возросший под попечительным взором старца Серафима (Тяпочкина), я много раз держал в руках такие школьные тетрадки с аккуратными записями. В этих тетрадках было много наивного, много от детской доверчивой веры, но иные поражали своими точными и огненными пророчествами.

Так, на 22 июня 1941 года был намечен взрыв храма Рождества Богородицы в Путинках г. Москвы. В эти дни должны были быть переданы ключи от церкви Николы Обыденного. Взрыв должен быть плановым, проведенным в череде «безбожной пятилетки», которая по плану богоборцев заканчивалась в 1943 году. Но по объявлении войны в этот день народ повалил в храм, в 43-м состоялся известный Собор и был избран Святейший Патриарх.

Множество пророчеств ходило по рядам паствы о германской каре над Россией и Божией каре над Германией. Говаривалось, что Германия своим нашествием вернет Россию к вере, и тем спасется Россия, разбив врага.

И как ни готовилась Россия к предстоящим испытаниям, но удар оказался неожиданным и страшным. Слишком неравными были силы. Технически Германия была вооружена до зубов, новейшим по тем временам орудием высокой мощности и проходимости. Против СССР были брошены наиболее совершенные машины, стремительные и поворотливые. Германия имела высоко обученную, вымуштрованную, имеющую богатый боевой опыт армию.

Россия же еще не оправилась полностью после гражданской войны. Не будем забывать, что ***в ее смутные годы было потеряно почти 18 миллионов русских.*** Кроме того, она была измождена внутренней междоусобицей, а потому армия была недееспособна. Техника рассыпана по разрозненным соединениям, а главное, и армия не имела того боевого опыта, что имел вермахт.

Первые месяцы войны были трагичны. Впору было сломиться.

Начало было действительно страшным, удары сокрушительными. Но и как болезнь поднимает защитные силы организма, направляя их против чуждой бациллы, так и Россия собралась мгновенно, готовая либо к победе, либо к погибели. Но не рабству.

Из обеих столиц, из губернских больших городов и из малых, из самых дальних сел, глубинных крошечных деревень уходили с котомками на плечах мужики-кормильцы, отцы, сыновья, братья. Тыл ослабевал: женщины да старики, да дети оставались на местах. Остальные на фронт. Самые распространенные таблички того времени: «Все ушли на фронт». Начинался самый тяжкий голодный, но и беспримерно победоносный марафон войны. Потому что ***Россия незримо, непрерывно в те годы стяжала Святого Духа,*** собирала самые здоровые свои силы, воскрешала глубинную память, чтобы по крупицам собрать ту духоносность, с которой она с великой славою выходила из всех выпавших на ее долю многочисленных войн и страданий.

Такого героизма жертвенности, такого подвига, какой явила Россия в годы войны, никогда не ведала сытая Европа с ее внешней благопристойностью и расчетливостью. Разве забудутся подвиги героев первых дней войны, летчиков, капитана Н.Ф. Гастелло и его экипажа, направивших свой горящий самолет на скопление вражеской живой силы и взрывоопасной техники. Или летчика Талалихина, уничтожившего вражеский бомбардировщик с риском для собственной жизни. Сейчас некие «правдоискатели» пытаются стереть из памяти народа подвиги знаменитого генерала Панфилова и его бойцов 316-й стрелковой дивизии, погибших до единого в четырехчасовом бою под Волоколамском, но не подпустивших фашистов к Москве. Матросов, Зоя Космодемьянская, Сидор Ковпак и вся боевая партизанщина — несть им числа, героям Отечественной войны.

А непомерная тяжесть тыла, великое могущество слабых от голода и холода детей, сутками простаивавших на военных заводах, выпускавших оружие для фронтов. А женщины бескрайних деревень, двужильные крестьянки, пахавшие на коровах днями, ночами же косившие траву для своей коровенки — кормилицы всей семьи.

На чем же зиждилась вся эта непобедимая сила? На том же, что и испокон веков — на вере, на молитве. На безмерном подвижничестве молитвенников и духовников Отечества. На сломленном духе Россия не выживет, не то, чтобы победить. И она вымолила сию благодать у Господа.

«Я не оставлю Россию», — возвестил Христос Спаситель в видении петербургскому протоиерею Борису Кириллову перед самым началом войны.

Матерь Божия вымолила русскую землю. Духовники, вся Валаамская каторга, митрополиты, архиепископы и епископы, весь священнический и монашеский чин, благочестивая паства, гонимая и затравленная довоенным большевизмом, именно большевизмом, который имеет отличные от русских глубинные сатанинские национальные корни, все склонились перед светоносным ликом Казанской Божией Матери в многочасовой покаянной молитве.

Тысячу дней и ночей молился о спасении России и ее народа иеросхимонах Серафим (Вырицкий). Молился он у себя в Вырице, на камне перед иконой Серафима Саровского, устроенной на сосенке в саду. Этот уголок старец позднее назвал Саровом. ***В Москве молилась блаженная Матрона.*** По московским преданиям к ней приезжал за советом Сталин, и она предсказала ему Победу, повелев не сомневаться, защищая Москву до последнего. В Красноярске при госпиталях ***творил молитвенные чудеса*** над операционным столом, буквально вынимая раненных из могилы, ***епископ Лука (Войно-Ясенецкий).***

В 1943 году вернулся из лагеря в Москву монах в тайном постриге Андроник — Алексей Федорович Лосев, знаменитый впоследствии философ, и ему была предложена новообразованная при МГУ кафедра философии, где он открыто и молитвенно проповедовал Святую веру.

Во время блокады Ленинграда при страшном голоде, холоде и непрерывной бомбежке из Владимирского собора вынесли икону Казанской Божией Матери и обошли с этой иконой вокруг города крестным ходом. Тем город и выстоял. Сбылись предсказания Митрофана Воронежского, сказанные царю Петру I о том, что город сей избран Царицей Небесной, и, пока Казанская ее икона пребывает в городе, никакой враг не войдет в него. Существует предание, что с иконой Казанской Божией Матери Сталин и Жуков облетали Москву. И случилось чудо: немцы бежали в панике. Кроме Казанской, облетала столицу и Тихвинская икона Божией Матери, и 9 декабря 1941 года был освобожден город Тихвин.

Не только молитвою, но и всеми средствами православные ковали Победу. На нужды обороны по всем приходам России был объявлен сбор средств. 30 декабря 1942 года с соответствующим призывом обратился к своей пастве митрополит Сергий (Страгородский). В ответ только в Московском Богоявленском соборе было собрано около полумиллиона рублей. Вся церковная Москва собрала свыше двух миллионов рублей. В блокадном Ленинграде православные собрали 1 миллион рублей. Собирали средства в Куйбышеве, Тобольске, Иркутске… ***всего за войну православными приходами России было собрано 200 миллионов рублей.*** На средства верующих ушла на фронт танковая колонна имени Димитрия Донского. В один из Ленинградских храмов неизвестные положили к иконе Николы Чудотворного пакет. В нем оказались 150 золотых десятирублевых монет царской чеканки. Кто-то мог выжить в блокаду на эти деньги.

Все это привело к серьезным изменениям в области церковно-государственных отношений. О чем и было решено 4 сентября 1943 года на совещании правительства, проходившем в одной из загородных резиденций Сталина. В тот же день в Кремле Сталин принял специально доставленных по этому случаю из разных концов России виднейших православных иерархов: Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) — будущего Патриарха, и экзарха Украины Николая (Ярушевича). Беседа началась с патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Результатом этой беседы было принципиальное изменение места Русской Православной Церкви в государстве. Было принято решение о созыве Архиерейского Собора и выборах Патриарха. Договорились о деятельности Священного Синода, открытии учебных заведений для подготовки церковных кадров и издательской деятельности Церкви. И, наконец, было решено «изучить вопрос (положительно) об освобождении архиереев и священников из лагерей и возможности беспрепятственного богослужения ими во всех городах России, прописке и свободном передвижении».

Итоги этой беседы были ошеломительными. ***В несколько лет на территории СССР были открыты тысячи храмов (22 тысячи общин), монастырей и учебных заведений.*** Сократились гонения на верующих и дикие шабаши всевозможных союзов «безбожников».

Русь Святая воскрешалась! Церковь Святая выстояла!

Многажды многими чудесами порадовала Русская земля православных в том высоком стоянии перед Господом. Но самым радостным было чудо возвращения преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиеву Лавру. Известно, что после осквернения мощей Чудотворца в 1919 году в ночь перед проведением кощунственной церемонии исчезла драгоценная глава Святого. Много позже, почти через век вскрылись потрясающие подробности этого дела. В эту ночь священник, философ, ученый-гений России Павел Флоренский и князь Олсуфьев отделили голову святого от мощей и спрятали ее в кадке с фикусом в доме князя Олсуфьева. Принимал участие в этом тайнодействии молодой трудник Лавры Павел Александрович Голубцов, который и вывез святыню из княжеского дома, спрятав в укромном месте. Забегая вперед скажу, что в 1946 году в ночь перед открытием мощей драгоценная глава была возвращена на свое законное место — родные плечи Преподобного. Павел Голубцов впоследствии стал архиепископом Старорусским и Новгородским Сергием. Русский гений был расстрелян. Господь возвеличил его в сонме великомучеников.

Знаменитая Сталинградская битва началась уже с открытого молебна перед Казанской иконой. Ее возили в самые огненные места битвы, священники служили молебны под грохотом орудий и кропили солдат святой водой. Все мы помним исход этой великой битвы.

В глубинной памяти праведной этой войны сохранилось свидетельство, что уже в разгар боя за Кенигсберг, когда выдохлись наши войска, а немцы бились ожесточенно и, казалось, поражение наших войск неминуемо, появились священники с иконами.

— Вот попов привезли, — шутили офицеры.

Священники служили молебен и пошли с иконою на передовой. Стеной шли, во весь рост, открытые всем огням. И вокруг немецкий огонь прекратился. Наши дали сигнал большого штурма — по суше и с моря. И случилось невероятное, немцы падали, как мухи, сдавались в плен и бежали с поля боя. Оказывается, в небе появилась «мадонна», как называли они ее — Богородица. И тогда уже наши войска почти безо всякого сопротивления вошли в город.

Более 20 000 храмов было открыто в военное время на всем великом пространстве России. Молились повсеместно и все. Вновь открывшиеся храмы были забиты молящимися. Молитва звучала и в окопах, и на пахоте, и на лесоповалах, и в лагерях. А потому Победа была неотвратима.

Подводя итоги наших исследований, почему было попущено Господом столь великое испытание нашему народу, повторюсь, как православный человек: за отступничество от Господа и Православной веры, за попрание заветов предков и поругание святынь.

«Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на Свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред Небесным твоим Отцом, которого ты безмерно прогневила!» — воскликнул провидчески праведный Иоанн Кронштадтский.

И заплакала в войну горькими слезами Россия, и взмолилась, и покаялась. И в этом сердцевинный смысл Великой Отечественной войны. Россия вошла в войну уже почти атеистической страной. В ее кроваво-огненном горниле она очистилась, выплавилась, вернула свою, дарованную ей Господом духовную сердцевину и вышла из войны вновь Православною Святою Русью.

Конечно же, она защитила и свои широты, спасла народ от лютого рабства и не только свой, но и народы Европы. Все так. Но ***не обратись русский народ к своему Творцу — Победы не бывать!***

В этом основные уроки и духовные истоки Русской победы. Мы имеем, по словам Иоанна Кронштадтского, «неоцененное жизненное сокровище — Веру Православную, с Церковью спасающею». Ею и будем спасаться во все времена. Потому что «беды и напасти» вновь у порога, горят и кровят майданы, оскалились аки волчьи пасти и грозят не только санкциями спасенные когда-то нашими предками народы Европы и Америки...

Вспомним, чем спаслась Россия, обернемся на ее высокий и, опять же, единственно спасительный Божий островок в пучине погибели: Веру, Церковь, заветы Божией Матери, святых Православных, и тем всегда победим.